

Шкала Рихтера

Коммерсантъ — daily, — 1997, — 5 авг. — с. 10

Рихтер никогда не был педагогом, но у него всегда было много учеников

Вчера Москва провожала в последний путь крупнейшего музыканта нашего столетия, последнего представителя плеяды великих русских пианистов — Святослава Рихтера.

Выполняя волю Святослава Рихтера, его вдова просила о том, чтобы не было речей, гражданской панихиды. Потому символами прощания с ушедшим классиком стал итальянский дворик музея имени Пушкина, где был установлен гроб, классическое искусство Возрождения и фортепианная музыка — записи самого Рихтера. Как минимум три поколения столичной интеллигенции, меривших свою собственную жизнь «по шкале Рихтера», осиротели, и вместе с ними осиротела русская культура XX века. Но пусть утешиться нам помогут слова самого Святослава Рихтера, некогда сказанные им о Прокофьеве: «Я думал о Прокофьеве, но не сокрушался, ведь не сокрушаемся же мы оттого, что умерли Гайдн или Андрей Рублев».

Бэлла Ахмадулина, поэтесса:

— Я бы сказала, что сегодня кончилась значительная часть нашего общего с ним времени. Я всегда чувствовала, что относительно меня, моего времени, моей жизни он — не из сегодня. Из завтра.

Но музыка, как известно, переживает и авторов, и исполнителей. И на это будем лишь полагаться. И в этом будем искать наше утешение.

Николай Петров, пианист:

— Я убежден в том, что эта потеря тем более невосполнима, что в нашем пианистическом лагере он — последний музыкант великой плеяды. Ушел Гилельс, ушла Мария Вениаминовна Юдина, ушел Рихтер. Дай Бог, из них остался один только Слава Ростропович.

Их величина, их гениальность в том, что каждый из них имел свой неповторимый почерк, свой исполнительский стиль. Рихтеровская игра была узнаваема так же, как была узнаваема поэзия Ахматовой, живопись Модильяни.

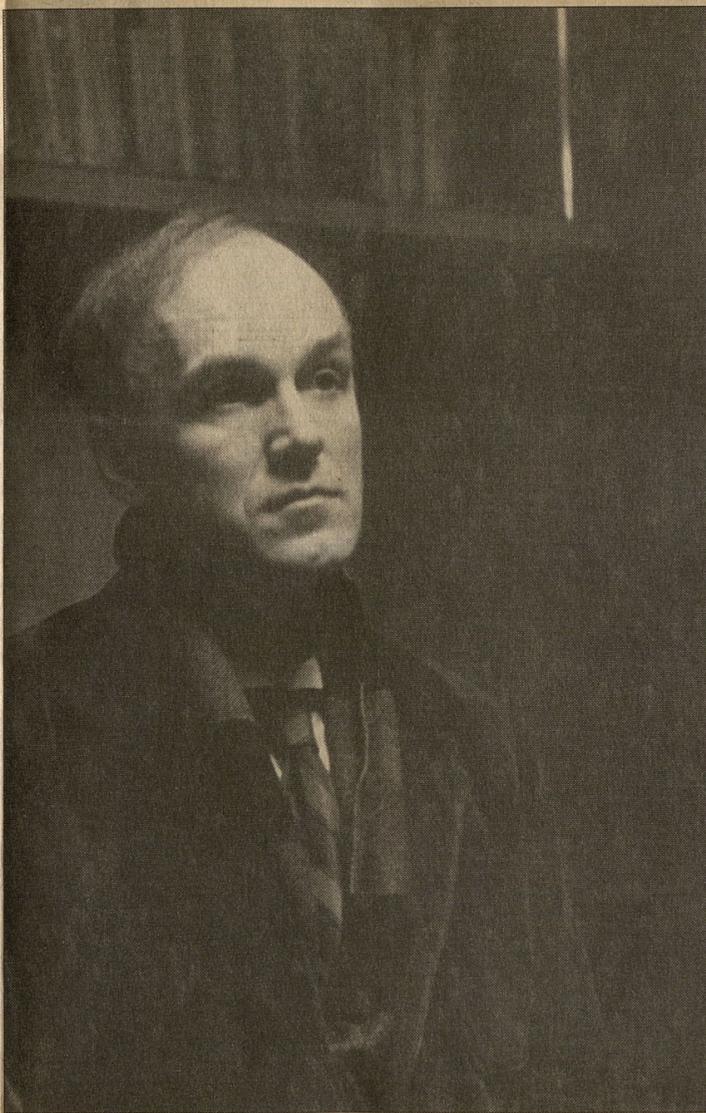
Вакуум, в котором мы очутились, тем более ужасен, что не скоро еще придут люди, способные насытить наш интеллект так, как это было дано Рихтеру. Самый гигантским в Рихтере мне кажется то, что он никогда о себе даже в шутку не говорил: «Сегодня я играл гениально», как это позволяло себе сейчас многие только что выплывшие музыканты. После концерта он оставался в зале до пяти утра и подчищал одному ему ведомые осыпки. За счет этого великого сомнения он войдет в историю культуры.

Олег Табаков, актер и режиссер:

— Все знают, что он был великим музыкантом. Но, как и «свой Пушкин», у каждого, думаю, был свой Рихтер. Я узнал его давно, когда жил нахлебником в семье художника Валентина Серова. Меня водили тогда в Большой зал Консерватории, чтобы приобщать к музыке. Но я там обычно засыпал на любом концерте. Так вот, первый концерт, на котором я не спал, был концерт Святослава Теофиловича...

Потом я много его слушал. То есть, конечно, гораздо меньше, чем хотелось бы. Но всегда, когда слышал, как он играет, не оставляло чувства какого-то иного измерения. Я всегда знал, что это гениально одаренный человек, но об этом как-то неловко говорить вслух. А теперь вот и глупость свою понимаю и вину — за то, что недослушал.

Он умел удивляться, радоваться чужому таланту. Так по-детски изумленно воспринял он дар Вана Клиберна. Это было дивное, моцартианское качество Рихтера... Узнав о его смерти, остро испытал чувство обделенности

Говорят, что вместе с Рихтером кончился целый век русской культуры. Снимок 1957 года

ти и сиротства. Теперь ругаю себя: и на то концерте не был, и на этом, и на те «Декабрьские вечера» не два раза попал, а всего один...

Инна Прус, искусствовед, исполнительный директор фестиваля «Декабрьские вечера»:

— В первый раз я услышала Рихтера, кажется, в феврале 1946 года. И с тех пор не было ни одного его концерта в Москве, который бы я пропустила. Он ведь очень много играл в Москве. Помню его выступления и в музыкальных школах, и едва ли не первое выступление в музее — его «Картины с выставки», не говоря уже о Большом и Малом залах Консерватории. Боже, где только он не играл! Сейчас я проклинаю себя за то, что не записывала его репетиций, когда он у нас делал оперу; его разговоров с музыкантами, которые он вел дни и ночи напролет перед двумя первыми «Декабрьскими вечерами». Мы же сидели дни и ночи подряд: неважно, что там было — суббота, воскресенье или понедельник. В те годы, что волею судьбы мне довелось участвовать в подготовке этого фестиваля, я узнала и полюбила Рихтера как человека — удивительного, светлого, необыкновенного.

Петр Меркурьев, заместитель главного редактора газеты «Музыкальное обозрение»:

— Хочу рассказать то, что услышал когда-то от пианиста Александра Слободяника. Сидели они дома у Рихтера, как всегда много говорили о музыке. Потом кто-то внезапно преклонился на политику (дело было

в то время, когда американцы заминировали Ханой), мол, теперь Никсон ни за что не приедет в Москву. На что Рихтер посмотрел глазами идиота — он был замечательный актер, это все знали, — и произнес: «А что, разве из Америки в Москву надо лететь через Ханой?»

И еще одна история из тех времен, когда Рихтера умоляли работать в Консерватории. Так вот, оказался он в кабинете у Свешникова — тогдашнего консерваторского ректора — и слышит: «Пишите заявление — прошу принять меня...» Тут Рихтер отложил в сторону лист бумаги и изумился: «Разве это я прошу? Позвольте, я ни о чем не прошу».

Владимир Мартынов, композитор:

— С этим человеком все кончилось. Кончился век русской культуры. Наверное, надо сказать так: остались одни пэтушники.

Вера Горностаева, профессор Московской консерватории:

— Эти дни я очень много думала о Рихтере. Хотя он является предметом моих размышлений отнюдь не последние три дня, а последние пятьдесят лет. В мою жизнь он вошел, когда мне было семнадцать и я поступила в класс Нейгауза.

В Рихтере было одно свойство, которого я не припомню ни в ком другом: человек гигантский, он был человеком смиренным. Первое, что можно прочесть в его лице, будь то фотография, кинохроника или сама жизнь — это величайшее благородство. Он умел быть выше своей славы. Ведь

Рихтер в музее им. Маяковского с Надеждой Реформатской (слева) и ее дочерью Машей. Снимок 1957 года

достигнув ни с чем не сравнимых высот, он оставался смиренным человеком, бескорыстным, очень ироничным по отношению к самому себе.

Живя в трудное время сталинского, послесталинского режима, Рихтер оказался выше режима. Он не позволил режиму втянуть себя ни во что. Он никогда ничего не подписывал, ни в каких общественных акциях не участвовал. Он никогда не брал трубку телефона. Поднимал ее, только если звонила Нина Львовна. Никогда не смотрел телевизор: считал, что это как-то замусоривает человека. Степень независимости его художественного, человеческого мышления была фантастической.

Он был повернут спиной к режиму, к политике. Он восхищался Солженицыным, но по поводу исключения того из Союза советских писателей говорил: «Это же союз плохих писателей. Так хорошо, что Солженицына оттуда исключили».

Необозримая культура, которой он владел, делала его противником всякой рекламы, всякой показной жизни. Я помню концерт, который Рихтер давал в первую годовщину смерти Генриха Нейгауза. Естественно, на него пришла вся Москва. Но в афише даже не было указано, что Нейгауз — его учитель. Все понимали, во имя чего концерт. Но Рихтер не относил к себе ни восхищения, ни аплодисментов. Он почти не кланялся, так как считал, что все это должно принадлежать Нейгаузу.

Каждый год 12 апреля в день рождения Нейгауза у Рихтера собирались музыканты, стояли цветы, портреты, звучала музыка. Однажды он

попросил играть нас. Это был классный вечер без учителя. Чувство было почти религиозное.

Он жил в каком-то своем мире и создал вокруг себя некую духовную ауру, в которую попали и те, кто был с ним рядом, и те, кто приходил на его концерты.

Алексей Любимов, пианист:

— Я бы сказал, что Рихтер — это живой классик современного пианизма. Среди нынешних исполнителей ни здесь, ни за рубежом нет человека такого масштаба, сумевшего охватить и камерную, и симфоническую музыку, и колоссальный сольный репертуар, как это сумел он.

Я не могу сейчас вдаваться в разговоры о важных для меня свойствах его пианизма. Но замечу, что даже в сравнении со многими равномащтабными современными пианистами он уникален, не превзойден. Для Рихтера ни в репертуаре, ни в амплуа никогда не было никаких границ.

Михаил Швыдкой, замминистра культуры России:

— Это был последний великий музыкант нашей страны, да простят мне все живущие. Этот был человек, который умел соблюдать дистанцию между творчеством, властью и жизнью. Который считал автономность творчества высшим личным достоянием. В этом он был субъективен, эгоистичен даже. И в этом его счастье — он не суетился так, как суетятся сегодня даже большие музыканты.